

М.П. Пархаева (Москва, Россия)

Виды метафор в ботанических трактатах Теофраста

Аннотация: В статье рассмотрены метафоры, использующиеся в ботанических трактатах Теофраста «Περὶ φυτῶν ἱστορίας» и «Περὶ φυτῶν αἰτιῶν» для описания мира растений и всего, что с ним связано. Автором статьи выделены три вида подобных метафор: 1) метафоры, представляющие собой устойчивые выражения, с помощью которых описываются различные природные явления и погода в целом; 2) метафоры, уподобляющие растение животному, служащие для обозначения частей и органов растений и формирующие таким образом основы ботанической терминологии; 3) метафоры, использующиеся в названиях растений. На разнообразных примерах показано, что метафоры со времен античности играли очень важную роль как в создании научной терминологии и номенклатуры, так и в восприятии и познании мира в целом.

Ключевые слова: древнегреческий язык, метафоры, Теофраст, ботаника, ботаническая терминология, история науки

M.P. Parkhaeva (Moscow, Russia)

Types of Metaphors in the Botanical Treatises of Theophrastus

Abstract: The paper presents the analysis of metaphors used by ancient Greek scientist Theophrastus in his botanical treatises “Περὶ φυτῶν ἱστορίας” and “Περὶ φυτῶν αἰτιῶν”. Three types of metaphors are determined, i. e. (1) metaphors that represent stable expressions and describe weather and other natural phenomena, (2) metaphors that similize plants and animals and designate plant parts or organs forming a basis for botanical terminology, (3) metaphors that used in the plant names. A plenty of examples from Theophrastus studies show that metaphors have played an important role both in establishing the scientific terms and nomenclature, and in learning and perception of the world itself.

Key words: Ancient Greek, metaphors, Theophrastus, botany, botanical terms, history of science

Теофраст – древнегреческий ученый, живший в IV в. до н. э. Он создал множество сочинений, посвященных самым разным темам: анатомии, метеорологии, минералогии, ораторскому искусству... Наиболее значительными из его трудов считаются ботанические трактаты «Περὶ φυτῶν ἱστορίας» и «Περὶ φυτῶν αἰτιῶν» («История растений» и «Причины растений»). В обоих трактатах описываются

строение растений, способы их размножения и культивации, делается попытка систематизации видов растений и рассматриваются вопросы, связанные с использованием человеком трав, деревьев, кустарников и их плодов. В вое изложение Феофраст нередко включает метафоры, которые, как мы увидим далее, не выполняют основной задачи средств выразительности, заключающейся исключительно в украшении художественного текста и создании некой образности. Поскольку вопросы, связанные как с функционированием метафор в античных естественнонаучных сочинениях, так и с самими ботаническими трактатами Феофраста, едва ли можно считать исчерпанными, подобная работа представляет определенный интерес для классической филологии.

В результате исследования «Περὶ φυτῶν ἱστορίας» и «Περὶ φυτῶν αἰτιῶν» (далее – Hist. plant. и De caus. соответственно) нами были выделены следующие группы метафор, используемых у Феофраста: 1) метафоры – устойчивые выражения, 2) метафоры, уподобляющие растение животному, 3) метафоры в номенклатуре.

Первая группа метафор является особыми фразеологическими конструкциями, не связанными непосредственно с описанием растений. По всей видимости, их следует считать стершимися метафорами. Сюда относится, во-первых, выражение «ἔτος φέρει οὐχὶ ἄρουρα»¹ (Hist. plant. VIII, VII.6; De caus. III, XIII.4), являющееся поговоркой², олицетворяющей природу. Феофраст использует ее, чтобы подтвердить свой довод о влиянии погоды на урожай. Во-вторых, сюда относятся сочетания с глаголом «улыбаться» – διαγέλαω, обозначающие наступление хорошей погоды. По рассмотрении всех контекстов с данным глаголом (De caus.: I, XII.8; II, I.4; IV, V.1; Hist. Plant. VIII, II.4) становится ясно, что он включает в себя следующие компоненты значения: «быть ясным», «становиться хорошо освещенным», «делаться теплее», «обдуться легким ветерком» или «создавать ветерок». До Феофраста этот глагол в таком виде ни у кого не встречается, из чего можно сделать вывод, что Феофраст начал использовать подобную метафору первым. Для него оказываются в той или иной степени важными все компоненты, поскольку с помощью διαγέλαω он описывает приход весны. Более поздние греческие прозаики продолжают употреблять данный глагол. Однако с его помощью они описывают более конкретные природные явления (водную гладь, раннее утро), поэтому и «διαγέλαω» у них приобретает одно конкретное значение – «становиться хорошо освещенным» (Плутарх, Фриних, Гелиодор, Прокопий Кесарийский, Анна Комнина). Во времена Византии данный глагол снова начинает использоваться для описания весны (Анна Комнина, Максим Плануд, Евтекний). В-третьих, к метафорам – устойчивым выражениям – мы причисляем выражение «τὸ ἐκ τοῦ Διὸς ὕδωρ», описывающее дождевую воду (Hist. plant.: II, VI.5; VII, V.1–2; VIII, VII.3; De caus.: I, XIX. 5; II, VI.1; III, IX.5; III, VIII.3; IV, XII.5; VI, VIII.7). Это словосочетание в таком же или слегка измененном виде встречаются как у Феофраста, так и в прозаических сочинениях других аттических или аттицизирующих авторов (Платон, Плутарх, Элиан, Арат и схолии к Арату, комментарии Евстафия Солунского), на основании чего выражение следует считать устойчивым для аттического языка³.

¹ Год родит, не нива (пер. М.Е. Сергеенко).

² О том, что это поговорка, говорит и сам Феофраст (Hist. plant. VIII, VII.6).

³ Пархаева М.П. Обозначение дождевой воды в трудах Феофраста // Труды молодых ученых: Сборник статей / Сост. А.А. Невокшанова; под ред. А.А. Липгарта, Ю.Л. Оболенской. Вып. 3. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 132–141.

Вторая группа выделенных нами метафор представляет собой терминологическую лексику и включает в себя две подгруппы: а) зоологические метафоры-термины, б) глаголы и прилагательные, олицетворяющие растение. К зоологическим метафорам (а) относятся существительные, приобретшие особое значение, соответствующее органам и частям растений. Например, слово δάκρυον значит «слеза», а у Теофраста оно используется в значении «клейкий сок растения» или «дочерние луковицы». Существительное ὀφθαλμός (глаз) применительно к растениям значит «почка», «глазок виноградной лозы», а μασχάλη (подмышка) – «пазуха ветви» или «разрез для прививки растения». Сюда же относится отдельная подгруппа анатомических метафор, заимствованных Теофрастом из трудов Аристотеля и Гиппократ¹: δέρμα (кожа) в ботанике значит «ткани растений», «кора»; ἵνες (жилы) – это волокна растительных тканей, луб; μυελός² (мозг), μήτρα³ (утроба, матка) и καρδία (сердце) – сердцевина дерева; σάρξ (мясо) – мягкая древесина; φλέβες (жилы, сосуды) – ситовидные трубки, по которым течет сок растения. Особую подгруппу метафор, уподобляющих растение животному, образуют олицетворяющие глаголы и прилагательные (б). Во-первых, это обозначения потребностей растений, выражающиеся с помощью ζητέω (искать), διώκω (преследовать, стремиться), φεύγω (избегать), φιλέω (любить) и сложных прилагательных с корнем -φιλ- (например, φίλτρος – влаголюбивый, φιλόψυχρος – любящий прохладу). Во-вторых, это глаголы, соотносящие жизнедеятельность растений с жизнедеятельностью животных (ἀποπνίγεσθαι – задыхаться, φύω – рождать, δακρυσσοεῖν – источать слезы, т. е. сок). Все метафоры второй группы построены по принципу аналогического сопоставления строения и свойств животных и растений. Таким образом, в ботанику переносится часть зоологической лексики, отчасти это было сделано Теофрастом, отчасти его предшественниками.

Третья группа исследуемых метафор охватывает круг разнообразных метафорических названий растений. Мы считаем их метафорическими, поскольку слова, входящие в такие названия, используются здесь не в прямом лексическом значении. Существует, однако, мнение, что употребление слова во «вторичном значении» (например, «нос корабля», «магнитное поле») является, строго говоря, актом наименования, а не переименования. Поэтому в таких случаях стоит говорить не о метафоре, а, скорее, о «метафоризации»⁴. Мы все же позволим себе в случае с Теофрастом остановиться на термине «метафора», так как здесь имеется явный перенос значения по сходству, так что для создателя подобных названий они звучали именно как метафора. Заметим также, что в работе с наименованиями в сочинениях Теофраста есть некоторая сложность, которая заключается в том, что его трактаты являются древнейшими дошедшими до нас трудами непосредственно о растениях. В связи с этим в некоторых случаях не представляется возможным судить, дал ли видам названия сам Теофраст, или же это было сделано каким-то философом до него, или перед нами вообще «народное название». Как бы то ни было, среди метафорических названий растений мы можем выделить

¹ *Теофраст. Исследование о растениях* / Ред. И.И. Толстой, Б.К. Шишкин; пер. М.Е. Сергеевко. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 356–357, 361.

² Применяется не только к животным, но и к растениям уже Аристотелем.

³ Термин стал использоваться в ботанике и до Теофраста (см. прим. Сергеевко в: *Теофраст. Исследование о растениях*. С. 366).

⁴ Метафора [В.И. Корольков] // Большая Советская Энциклопедия. Т. 16: Мезия–Моршанск. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1974: rus-bse.slovaronline.com/47958-%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0 (дата обращения: 07.10.21).

а) метафоры – простые существительные, б) метафоры – субстантивированные имена, в) метафоры – сложные существительные и г) названия растений с метафорическим эпитетом. В основе метафорических названий, образованных от простых существительных (а), лежит идея уподобления внешнего вида растения какому-то животному или предмету, причем некоторые такие названия можно считать метонимическими, поскольку метафорой, по сути, является обозначение лишь части растения. Например, гладиолус по-древнегречески называется ξίφος (букв. «кинжал») из-за того, что форма листьев растения напоминает это оружие. Кстати, латинское название растения было образовано похожим образом: *gladiolus* – маленький меч¹. Метафорические названия – субстантивированные имена (б) представляют собой простые прилагательные в мужском или среднем роде. Для таких названий характерен перенос ударения влево (образование наименований от прилагательных часто происходит именно таким образом²): *πόλιον* (дубровник белойочный) – от прилагательного *πολιός* (седой), *κνήκος* (сафлор) – от *κνήκος* (желтоватый). Также это могут быть причастия в женском или среднем роде. Их у Феофраста всего три: *παντάδουσα*, *ἄγχουσα* и *θύον*³ (букв. «вседающая», «удушающая»; название туи, несомненно, связано с *θύω* – «приносить жертвы», «воскурять», известно, что древесина туи использовалась для культовых курений⁴). Метафорические названия – составные существительные (в) составляют одну из наиболее обширных подгрупп метафор, встречающихся в ботанических трактатах Феофраста. Они могут быть представлены названиями, сложными наименованиями с названиями животных, причем последние упоминаются по самым разным причинам. Например, пушистый колосок многобородника⁵ очень напоминает хвост лисы, поэтому эта трава была названа *ἄλωπέκουρος* (лисий хвост). Исследуемые метафорические названия могут также иметь компонент *θηλυ-* (женский), который обозначает более маленькое и слабое растение. Еще один возможный элемент сложного наименования – *διος-*, т.е. «зевсов». Он указывает на некие выдающиеся качества растения: особую красоту цветка или большой размер плода. Кроме того, к третьей группе метафорических наименований относятся остальные сложные существительные, которые, являясь наименованием, употребляются в переносном значении. Все они при этом говорят об особом внешнем виде растения: *ἡριγέρων*⁶ (рано постаревший) – о бледном цвете растения, *πολυπόδιον*⁷ (многоножка) – об изрезанной форме листа и т.д. В названиях растений с метафорическим эпитетом (подгруппа г) последний может как просто

¹ На самом деле в латинском языке словом *gladiolus* называется не только гладиолус, но и любой «мечевидный» лист. Плиний сообщает (21,107), что *gladiolus* и *κύλειςρος* – это одно растение. У Феофраста же под *κύλειςρος* подразумевается вид сыти – *Cyperus longus* или *Cyperus rotundus*, а под *ξίφος* или *ξίφιον* – Шпажник итальянский, *Gladiolus italicus* Mill. У Диоскорида в этом значении используется только диминутив. У прочих греческих авторов *κύλειςρος* или *κύλειςρον* просто связывается с некой ароматной болотной травой (Гомер; Афинея, Феокрит, схолии к нему сообщают, что это «приземистая трава») и упоминается в одном ряду с названиями камыша и тростника (Скилак Кариандский), а также нарцисса и ириса (гиппократов корпус). Авторы CGL все приводимые ими контексты связывают с сытью.

² *Probert Ph. Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory.* New York: Oxford University Press Inc., 2006. P. 149, 151, 298–300.

³ Василек колючеголовый, Воловик красильный, берберийская туя (сандараковое дерево).

⁴ Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И.Х. Дворецкий; ред. С.И. Соболевский; прил. граммат. С.И. Соболевский. Т. 1. М.: ГИС, 1958. С. 801.

⁵ Имеется в виду многобородник монпельенский, *Polypogon monspeliensis* (L.) Desf.

⁶ Крестовник обыкновенный, *Senecio vulgaris* L., Sp. Pl.: 867 (1753).

⁷ Многоножка обыкновенная, *Polypodium vulgare* L., 1753 (или некий похожий вид папоротника).

служить дополнительной характеристикой растения (ἡ κάλνειος ἄμπελος – дымчатый виноград), так и образовывать название нового вида (μήκων ἡ κερατῖτις, «рогатый мак», – это Мачок желтый, *Glaucium flavum* Grantz). Эпитеты θῆλυς и ἄρρη – это метафора, возникшая при сопоставлении типичной мужской и женской внешности с обликом растений. Они даются растениям исключительно на основании внешних признаков, поэтому выделение мужских и женских видов растений, как правило, носит субъективный характер. Однако порой названия с данными эпитетами действительно обозначают отдельный вид растения.

В результате исследования ботанических трактатов Феофраста не обнаружены метафоры, выполняющие только традиционные функции: создание образного описания и украшение речи. Это свидетельствует о научном подходе автора к материалу. Конечно, Феофраст четко разграничивал мир флоры и фауны, это мы ясно видим в его произведениях. В то же время значительная часть используемых им метафор олицетворяют природные явления. Отсюда мы можем сделать вывод, что, несмотря на развитие науки и философии во времена Феофраста, древнегреческие мыслители, как и простые люди, продолжали воспринимать природу как одушевленное существо¹.

Что же касается метафор, олицетворяющих растения и соотносящих их с животными, то термины зоологии или просто слова, называющие животных, их части и потребности, более-менее понятны всем и потому предоставляют хороший материал для описания с помощью аналогии новых явлений, в частности мира растений. Использование метафор в научном тексте является вполне допустимым, если говорится о чем-то еще не изученном. Ботаника в IV в. до н.э. еще находилась в стадии становления. И Феофраст, выделяя сходные черты строения растений и животных и переосмысляя уже известные понятия, создал из метафор терминологическую базу для только-только формирующейся дисциплины. Также нельзя забывать о еще одной функции метафор – создании номенклатуры: в трудах Феофраста мы наблюдаем как односложные названия-метафоры, так и названия с метафорическими эпитетами, которые являются прообразом бинарной номенклатуры. Таким образом, уже на заре формирования естественных наук метафоры играли очень важную роль как в формировании определенной картины мира в сознании людей, так и в научном описании различных явлений природы.

ЛИТЕРАТУРА

Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И.Х. Дворецкий; ред. С.И. Соболевский; прил. грамMAT. С.И. Соболевский. Т. 1. М.: ГИС, 1958. 1044 с.

Матвейчев О.А. Происхождение антропоморфизма греческой религии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 32–41.

Метафора [В.И. Корольков] // Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. / Глав. ред. А.М. Прохоров. Т. 16: Мезия–Моршанск. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1974. 615 с.: rus-bse.slovaronline.com/47958-%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0 (дата обращения: 07.10.21).

Пархаева М.П. Обозначение дождевой воды в трудах Феофраста // Труды молодых ученых: Сборник статей / Сост. А.А. Невокшанова; под ред. А.А. Липгарта, Ю.Л. Оболенской. М.: МАКС Пресс, 2020. Вып. 3. С. 132–141.

¹ Что вполне согласуется с представлениями Аристотеля, учителя Феофраста; в частности, с его теорией о существовании мыслящей души у человека, чувствующей у животных и питающей у растений.

Сергеенко М.Е. Феофраст и его ботанические сочинения // Феофраст. Исследование о растениях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 329–354.

Феофраст. Исследование о растениях / Ред. И.И. Толстой, Б.К. Шишкин; пер. М.Е. Сергеенко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 589 с.

CGL – The Cambridge Greek Lexicon: In 2 vols. / Ed. by J. Diggle (editor-in-chief), B.L. Fraser, P. James, O.B. Simkin, A.A. Thompson, S.J. Westripp. Cambridge University Press, 2021. 1570 p.

Hindenlang L. Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften. Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1910. 200 S.

Kirchner O. Die botanischen Schriften des Theophrast von Eresos: Vorarbeiten zu einer Untersuchung über Anlage, Glaubwürdigkeit und Quellen derselben. Leipzig: Druck und verlag von B.G. Teubner, 1874. 539 S.

Probert Ph. Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory. New York: Oxford University Press Inc., 2006. 444 p.

Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Ex rec. F. Wimmer. Tomus I–III. Lipsiae. Sumptibus et typis B.G. Teubneri, MDCCCLIV–MDCCCLXII.

Theophrastus. De Causis Plantarum. / Engl. transl. B. Einarson, G.K.K. Link: In 3 vols. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, 1976–1990.

Theophrastus. Enquiry into Plants and Minor Works on Odours and Weather Signs / Engl. transl. sr. A. Hort: In 2 vols. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, MCMXVI.

REFERENCES

Ancient Greek – Russian Dictionary: In 2 vols. / Comp. I.Kh. Dvoretzkiy, rev. S.I. Sobolevskiy; suppl. S.I. Sobolevskiy. Vol. 1. Moscow. GIS Publ. 1958. 1044 p.

CGL – The Cambridge Greek Lexicon: In 2 vols. / Ed. by J. Diggle (Editor-in-Chief), B.L. Fraser, P. James, O.B. Simkin, A.A. Thompson, S.J. Westripp. Cambridge University Press. 2021. 1570 p.

Hindenlang L. (1910) Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften. Strassburg. Verlag Von Karl J. Trübner. 200 S.

Kirchner O. (1874) Die botanischen Schriften des Theophrast von Eresos: Vorarbeiten zu einer Untersuchung über Anlage, Glaubwürdigkeit und Quellen derselben. Druck und verlag von B.G. Teubner. Leipzig. 539 S.

Matveichev O.A. Origins of Anthropomorphism in Greek Religion. *Scientific Annual of Institute of Philosophy and Law of Urals' Branch of Russian Academy of Science*. 2013. Vol. 13. No 4, pp. 32–41.

Metaphor [Korolkov V.I.] The Great Soviet Encyclopedia: In 30 vols. / Chief editor A.M. Prokhorov. 3rd ed. Vol. 16: Mesiya–Morshansk. Moscow. Sovetskaya Encyclopediya Publ. 1974. 615 p.: rus-bse.slovaronline.com/47958-%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0 (date accessed: 07.10.21).

Parkhaeva M.P. Designation of the Rainwater in the Works of Theophrastus. In: Works of Young Scientists: Collected articles / Comp.: A.A. Nevokshanova; ed.: A.A. Lipgart, Y.L. Obolenskaya. Issue 3. Moscow. MAKS Press Publ. 2020, pp. 132–141.

Probert Ph. (2006) Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory. New York. Oxford University Press Inc. 444 p.

Sergeenko M.E. Theophrast and His Botanical Writings. In: Theophrast. Enquiry into Plants. Moscow; Leningrad. Academy of Science of USSR Publ., 1951. pp. 329–354.

Theophrastus. Enquiry into plants / Rev. I.I. Tolstoy, B.K. Shishkin, transl. M.E. Sergeenko. Moscow-Leningrad: Academy of Science of USSR Press. 1951. 589 p.

Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Ex rec. F. Wimmer. Tomus I–III. Lipsiae. Sumptibus et typis B.G. Teubneri, MDCCCLIV–MDCCCLXII.

Theophrastus. De Causis Plantarum / Engl. transl. B. Einarson, G.K.K. Link: In 3 vols. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, 1976–1990.

Theophrastus. Enquiry into Plants and Minor Works on Odours and Weather Signs / Engl. transl. sr. A. Hort: In 2 vols. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, MCMXVI.

Сведения об авторе:

Пархаева Мария Павловна,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Maria P. Parkhaeva,
PhD student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
masha1512@mail.ru